

Николай Лесков

Епархиальный суд

Николай Лесков
Епархиальный суд

«Public Domain»

1880

Лесков Н. С.

Епархиальный суд / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1880

«В обширной и многосторонней полемике, возбужденной в печати выходом в отставку бывшего министра народного просвещения и обер-прокурора святейшего синода, графа Толстого, далеко не последнее место занимает спор о заслугах этого сановника по духовному ведомству. Одна из петербургских газет— именно, «Новое время», — делая общую оценку заслугам графа, пришла к тем заключениям, что по духовному ведомству его распоряжения были во многих отношениях лучше и целесообразнее его распоряжений по министерству народного просвещения. Это подало повод к замечательному спору, который, по моему мнению, до сих пор не выяснен и не окончен. Между тем это очень интересно не для того только, чтобы сойтись на одном мнении о графе Толстом, а тут есть дело гораздо более важное...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Епархиальный суд

От меня произойдет закон, и правду мою я выставлю светом для народов.
Исаия, LI, 4

Глава первая

В обширной и многосторонней полемике, возбужденной в печати выходом в отставку бывшего министра народного просвещения и обер-прокурора святейшего синода, графа Толстого, далеко не последнее место занимает спор о заслугах этого сановника по духовному ведомству. Одна из петербургских газет – именно, «Новое время», – делая общую оценку заслугам графа, пришла к тем заключениям, что по духовному ведомству его распоряжения были во многих отношениях лучше и целесообразнее его распоряжений по министерству народного просвещения. Это подало повод к замечательному спору, который, по моему мнению, до сих пор не выяснен и не окончен. Между тем это очень интересно не для того только, чтобы сойтись на одном мнении о графе Толстом, а тут есть дело гораздо более важное.

Я не имею никакой нужды входить в оценку справедливости высказанного мнения, но должен заметить, что оно довольно распространено и было поддержано в Петербурге «Церковно-общественным вестником», газетою очень здравомыслящею и в церковных вопросах сведущею. Зато в Москве это мнение показалось очень обидным и несправедливым, и одна из тамошних газет, «Современные известия», выступила с резкими замечаниями против такой оценки заслуг графа Д. А. Толстого по святейшему синоду. Московская газета вспомнула об оскудении плодов веры и, как на особенную вредность для церкви, – указала на неудачную попытку графа Толстого ввести, вместо нынешнего бесконтрольного консисторско-архиерейского суда, – суд в другой форме – более правильной и более защищающей личность от произвола.

На этом разыгралось дело, доведенное только до того, что поспорившие стороны высказались и замолчали; московская газета осталась при своем мнении, а петербургские – при своем; дело же не подвинулось ни на волос, да даже едва ли и уяснилось для публики, которой, однако, необходимо иметь о нем верное понятие. Правда, «Церковно-общественный вестник», возражая «Современным известиям», дал хороший ответ на нападки московской газеты и указал, что нынешний закрытый консисторско-архиерейский суд не только во всех отношениях неудовлетворителен, но и не согласен с древнею церковною практикою; но все эти доказательства, – убедительные и веские для людей сведущих, – большинству публики почти совсем недоступны. Кто у нас знает каноны? кто знаком с старою церковною практикою? Таких людей очень немного в духовенстве и почти совсем нет в публике. А между тем то, что мы, по обыкновению, называем публикою, есть, в известном смысле, та же *церковь*, то есть собрание людей, связанных единством духовных интересов, и ради этих-то интересов *всем нам* пристойно знать об этом деле и иметь свое мнение о значении нынешнего нашего духовного суда, так как от него зависит клир, а от хорошего или дурного клира зависит развитие духовной жизни народа, до сих пор еще весьма мало и весьма неудовлетворительно наставленного в христианском учении. Поэтому, мне кажется, не напрасно будет предложить общественному вниманию вопрос о духовном суде еще в одной простейшей и понятнейшей форме, в которой всякому и незнакомому с канонами человеку станут понятны выдающиеся недостатки нынешнего консисторско-епископского суда. Тогда и враги реформ

в этом вопросе и враги всего вообще нового судопроизводства в состоянии будут сравнить то, за что они стоят, с тем, что они гонят, – и, может быть, совесть и здравый смысл и им вложат что-нибудь другое в сердце. К счастью и благодаря небольшой дозе внимания, какое мне всегда внушало мое равнодушие к церковным делам, я имею возможность предложить об этом небольшую, но документальную беседу; а непререкаемым документом, на который я буду ссылаться, мне будут служить ведомости одной епархии, издающиеся не совсем так, как издаются ведомости прочих епархий. Я говорю о «Новгородских епархиальных ведомостях», в которых принято не делать секрета из судебных решений, постановляемых епархиальной властью о преступлениях и проступках местного духовенства.

Находя эти краткие отметки самым живым и интересным материалом для суждений о достоинствах нынешнего духовного суда, отстаиваемого людьми, для которых благосостояние церкви и всего духовенства стоят ниже каких-нибудь привилегий епископской власти (хотя бы даже привилегий, не принадлежащих ей по точному смыслу канонов), я имел терпение четыре года кряду следить за этим соломоновым судом в Великом Новгороде и дождался, что теперь мои заметки могут пригодиться в дело. Я желаю в коротких и ясных словах представить вниманию публики, что за дела судит наш нынешний консисторски-епископский суд и как он их решает.

Глава вторая

Пропуская бесконечные штрафовки духовных за пьянство, берем только те случаи, которые нам кажутся более замечательными и характерными, как по роду вины, так и по форме наказаний.

Рясофорная послушница Горицкого женского монастыря Августа, за неодобрительное поведение, уволена из обители и обращена в первобытное звание. Диакон Дворецкой церкви Крутяков запрещен за нетрезвость. Боровичского уезда священник Василий Знаменский запрещен за нетрезвость, неисправность и неблагочине.

Таким образом, простая нетрезвость и нетрезвость, соединенная с неисправностью и неблагочином, при всей совокупности преступлений, наказываются *одинаково*. Почему это так – объяснений, конечно, нет. *Благочинный*, старорусский протоиерей Федор Барсов, по делу о недоставлении им 21 процента сбора в размере 809 рублей, удален от благочиннической должности. Здесь уже надо заметить, что преступлением является *растрата*, за что удаление от должности не есть надлежащее наказание по русским законам.

Пономарь черновского собора Вознесенский отрешен за крайнюю нетрезвость. Благочинный Устюженского уезда, священник Алексей Владимирский, за нетрезвость и оскорбление помещика, отрешен от должности благочинного и послан в Моденский монастырь, а потом опять на прежнее место. Счел ли обиженный помещик это достаточным возмездием за свою обиду – не видно. Но во всяком случае ясно, что монастырь здесь заменяет тюрьму, – что совсем с учреждением монастырей несогласно, да никак и не отвечает их назначению.

Однако впереди мы с этим фактом будем встречаться очень часто.

Священник В. Быстров, за служение молебнов иногда в нетрезвом виде, за отказы в требоисправлениях и нетрезвость, – в Клопский монастырь, а потом опять на место. Дьячок Константин Богословский, за самовольное израсходование братских доходов, нетрезвость, упущения по службе и разгульную жизнь в сообществе крестьян и женщин неодобрительного поведения, назначен к отрешению. Священник Александровский, за нетрезвость, – в Кириллов монастырь, а потом обратно на место. Дьячок Н. Косинский за то, что, несмотря на присужденное наказание и сделанную милость (отсрочку наказания), вновь предался нетрезвости и *учинил в церкви во время богослужения бесчиние*, – в монастырь, а потом – на прежнее место. Если бы «учинил в церкви бесчиние» мирянин, то он едва ли не был бы лишен прав состояния и сослан; но духовному лицу наказание меньше. Церковник, который должен подавать мирянину пример благочестия, за буянство в церкви наказывается только одним пребыванием в монастыре... Этого уж никак понять нельзя и обыкновенным рассуждениям невозможно признать ни за справедливое, ни за целесообразное. Но есть впереди нечто еще более невероятное: этот же церковный дебошир после пребывания в монастыре *возвращается «на прежнее место»*... Хотелось бы спросить у настойчивых друзей этого непостижимого суда: может ли все это не служить к соблазну бедных прихожан, безобразному пьянству которых часто дивуются, забывая, что их первые в том учителя – *духовенство*.

Дьячок Усердов, за нетрезвость, многократные оскорбления священника, сопровождавшиеся *грубою бранью*, – в монастырь и на прежнее место – конечно, опять при том же самом священнике. Иначе, конечно, нельзя думать, так как сместить священника было бы еще вышею несообразностью. Но не угодно ли кому-нибудь представить себе, каково было потом положение этого оскорбленного священника, которого опять свели вместе с его обидчиком – дьячком... Кому, для чего и в каких целях это могло казаться необходимым и наилучшим?

Но продолжаем наши сухие выписки: иеродиакон Кирилловского монастыря Савватий, за нетрезвость и *бесчинство, произведенное в церкви во время богослужения*, – запре-

щен до раскаяния и послан в другой монастырь. Дьячок Литовский, за нетрезвость, в каковой иногда присутствовал при богослужении, – в монастырь и на прежнее место. Псаломщик Бальзаминов, за крайнюю нетрезвость и *неприличное ведение себя в храме, «сопровождавшееся прекращением богослужения»*, – в монастырь и на другое место (1876 год).

Глава третья

Благословивши венец нового 1877 года благодати господней, духовенство продолжает новое делание, а епархиальный суд старое суждение на непонятный лад.

Вот случай из новгородских епархиальных хроник 1879 года.

Пономарь Волков, за бродяжничество, грубости и неисправность, отрешен, с правом искать другого места. Бродяга «с правом» искать места церковника – это уже что-то феноменальное и едва ли сообразное с каким бы то ни было понятием о правах, достоинствах, законе и чести.

Диакон Виктор Орлов, за нарушение долга подчиненности, порядка и благочиния «принародно» в храме, во время литургии, и за насильственное держание у себя церковных документов, – в причетники, впредь до раскаяния. Пономарь Светлов, за распространение ложных слухов, обман и по подозрению в похищении документов, – в монастырь с переходом на другое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.